

Бельская Л.Л. Песенное слово. – М., 1990.

Лукин Ю.Ф. Конфликтология: управление конфликтами. – М., 2007.

Марченко А.М. Поэтический мир Есенина. – М., 1989.

Платонов Ю.П. Психология конфликтного поведения. – СПб., 2009.

Шипулина Г.И. Слова *песня / петь* и

их производные в поэзии Есенина // Сергей Есенин и искусство. – М., 2014. – С. 236–239.

Шубникова-Гусева Н.И. Вопросы поэтики и проблематики в контексте Есенинской энциклопедии // Поэтика и проблематика творчества С.А. Есенина в контексте Есенинской энциклопедии. – М., 2009. – С. 6–31.

**О.Е. ВОРОНИЧЕВ,
Н.А. ШЕСТАКОВА**

Брянск

Устаревшая лексика в романе А.К. Толстого «Князь Серебряный»

В статье выявляются основные типы устаревших слов русского языка в романе А.К. Толстого «Князь Серебряный» и анализируются особенности их стилистического употребления в целях воссоздания исторически достоверного речевого колорита эпохи Ивана Грозного.

Ключевые слова: *устаревшие слова; архаизм; историзм.*

Роман А.К. Толстого «Князь Серебряный» считается одним из лучших историко-художественных произведений классической русской и мировой литературы во многом благодаря тому, что его автор творчески продолжил пушкинские традиции в использовании языка документальных источников и прежде всего – в отборе и стилистическом употреблении устаревших слов.

Первостепенным лингвостилистическим признаком исторического романа как жанра, а следовательно и важнейшим показателем уровня художественного мастерства автора, М.Н. Нестеров правомерно считает характер документальной основы произведения [Нестеров 1978]. В первой четверти XIX в. в жанрах русского исторического романа и русской исторической драмы сформировались два направления в использовании языка исто-

рических документов. Одно из них связано с именами Н.А. Полевого и М.П. Погодина, другое – с именем А.С. Пушкина [Виноградов 1958: 115–135].

М. Погодин в предисловии к трагедии «Марфа, посадница новгородская» отмечает, что в ней «едва ль найдется несколько выражений, которых бы он (автор) не указал в памятниках того времени». Пушкин тоже стремился к достоверному воспроизведению исторической эпохи, в том числе и средствами языка. Однако ему был чужд метод прямолинейного документализма, чисто цитатный подход к материалу, так широко распространенный в литературных произведениях, имеющих своей задачей историческое изображение. «Пушкин не копировал и не подражал, а именно угадывал в своих источниках то, что был способен воспринять и пережить как поэт» [Винокур 1991: 211]. В употреблении как актуальной, так и устаревшей лексики, почерпнутой из документов, поэт всегда руководствовался чувством меры и целесообразности.

А.К. Толстой придерживался того же принципа умеренной архаизации при использовании устаревшей лексики в историческом романе.

Вороничев Олег Евгеньевич, доктор филол. наук, доцент Брянского гос. ун-та им. акад. И.Г. Петровского.

E-mail: voonid@mail.ru

Шестакова Наталья Алексеевна, кандидат филол. наук, доцент Брянского гос. ун-та им. акад. И.Г. Петровского.

E-mail: schestakova.natalya@yandex.ru

Работая над языком романа «Князь Серебряный», А.К. Толстой опирался прежде всего на «Историю государства Российского» Н.М. Карамзина. Использовал он также письма и грамоты Ивана Грозного, записки его современников, различные исторические документы (например, «Судебник» Владимира Гусева – 1497 г.), а также труды Н.И. Костомарова, М.Н. Погодина и других историков. Для воспроизведения живой народной речи прошлого Толстой пользовался этнографическими и фольклорными сборниками («Быт русского народа» А.В. Терещенко; «Сказания русского народа» И.П. Сахарова и др.).

Черпая в исторических документах достоверные речевые формы прошлого, А.К. Толстой стремился к выразительной и точной передаче наиболее общих черт языка описываемого времени. Писатель не был сторонником механического копирования письменных документов эпохи, чрезмерно густой архаизации языка своих произведений и в то же время требовал от издателей не выбрасывать ни единого слова из древнерусской лексики. Так, например, он писал М.Н. Каткову: «Убедительнейше прошу Вас поручить корректуру человеку, знакомому с древнерусским языком и с археологией. Иначе я боюсь, что наборщики станут поправлять мне выражения, как то делали переписчики, которые ставили богатство вместо богатство, печалиться вместо печаловаться, и так далее. Это может изменить не только характер речи, но и исказить смысл. Язык у меня строго современный действию, и его нельзя ни в коем случае изменять» [Толстой А.К. ПСС 1980, т. 4: 361]. А.К. Толстой, конечно, несколько преувеличивал, говоря, что язык его «строго современный действию». Тем не менее речевые особенности эпохи, почерпнутые из документов, находят в его произведениях широкое отражение.

Исследуя лексику любого исторического романа, нужно учитывать время написания романа, а также время его прочтения, поскольку изменения в системе языка в период между этими двумя датами

определяют характер его восприятия. В связи с этим, анализируя устаревшую лексику в романе А.К. Толстого «Князь Серебряный» (роман был впервые опубликован в 1862 г.), правомерно говорить о двух типах устаревших слов, включенных в произведение. К первому типу относятся слова, которые автор ввел в текст для воссоздания колорита эпохи Ивана Грозного, ко второму типу – лексика, актуальная для середины XIX в., но устаревшая к настоящему (нашему) времени. Это так называемые *историзмы времени* и *архаизмы времени* (термин Н.М. Шанского). Например, устойчивое сочетание *сенная девушка* (горничная), как и слова *ключник*, *подключник*, *верста*, активно употреблялись не только в эпоху Ивана Грозного, но и в XIX в., во времена Толстого. Ср.: как собственно лексический историзм времени выступает в романе слово *грешневик* (традиционный головной убор российских крестьян до XX в.), а семантическим историзмом времени в романе следует признать слово *пристав* (исполнительный чин (чиновник) на Руси (позже в России), в обязанности которого включалось сопровождение и выполнение важных общественных и государственных поручений; сегодня *приставом* называют только судебного исполнителя – должностное лицо, осуществляющее принудительное исполнение решений и постановлений суда).

Часть историзмов, используемых автором в романе, активно употреблялась в XIX в. с несколько измененным значением: *сотский староста* или *сотский* (административная должность, упоминающаяся в источниках со времен Древней Руси. В XIX – начале XX столетия *сотские* – один из низших чинов полиции на селе), *дворецкий* (глава дворцового управления в Московском государстве XV–XVII вв. С XVIII в. – старший лакей в богатых дворянских домах), *стряпчий* (до XVIII в. – дворцовый слуга, придворный чин. В России в 1775–1864 гг. – название некоторых судебных чиновников), *стремянный* (конюх-слуга, ухаживавший за верховой лошастью, а также в XVI–XVII вв.

придворный, находившийся у царского стремени при торжественных выездах). Как и стори́змы вре́мени выступают в романе и названия верхней одежды *сермяга, зипун*, которые были в активном употреблении до 1917 г.

Лексические пласты, формирующие исторический фон произведения, представлены различными типами историзмов и архаизмов.

Историческая лексика, отражающая в романе разные стороны жизни русского народа в эпоху Ивана Грозного, может быть объединена в следующие тематические группы:

- чины, должности, звания, воинское сословие на Руси до начала XVIII в.:

боярин, думный боярин, столбовой боярин, конюший, кравчий, оружничий, окольный, сокольник, губной староста, приказный, стольник, сытник, рында (юноша – телохранитель царя), воевода, стрелец, ратник и др.;

- оружие и воинские доспехи:

бердыш, секира, пищаль, чекан, кольчуга, бармица, мисюрка, бахтерец, шишак, зерцала, наручи и др.;

- одежда и головные уборы:

однорядка, терлик, летник, опашень, охабень, ферязь, кафтан, тафья, мурмолка, шлык и др.;

- предметы быта, хозяйства, домашней утвари; инструменты, в том числе музыкальные, и т.п.:

сулея, братина, чепрак, гусли, тулумбас;

- старинные ткани:

аксамит, бахта, зарбас, сафьян и др.;

- денежные единицы и единицы измерения расстояния, массы, объема и т.д.:

корабленник, червонец, гривна, поприще и др.

Наиболее частотными в тексте являются слова – представители первых трех тематических объединений, лексические единицы других групп Толстой использует значительно реже. Некоторые из возможных групп (например, особенности судебно-правовой системы, общественно значимые учреждения, места отдыха,

развлечений и т.п.) в романе практически не представлены.

Для широкой исторической стилизации языка романа А.К. Толстой использует различные типы архаизмов:

- собственно лексические архаизмы:

кривда (ложь, неправда), *радеть* (заботиться), *чиниться* (стесняться), *покоиться* (отдыхать), *строфокамил* (страус), *кармазиновый* (ярко-алый, малиновый), *тать* (вор), *лепота* (красота), *бражник* (пьяница), *басурман* (иноверец), *опочивальня* (спальня) и др.;

- лексико-семантические архаизмы:

жильё (этаж), *вор* (злодей, обманщик), *товарищ* (помощник), *станичник* (разбойник), *опалиться* (разгневаться), *живот* (жизнь, имущество, домашний скот), *личина* (маска), мягкая *рухлядь* (шубы, шапки из меха), *прелесть* (обман), *обойти* (околдовать) и др.;

- лексико-словообразовательные архаизмы:

блещанье, *упрос*, *поручник* (поручитель), *зорник* (дозорный), *спех* (спешка), *докука* (докучливость), *умышление*, *повестить* (оповестить), *свобождать* и др.;

- лексико-фонетические архаизмы:

Жигимонт (Сигизмунд), *шеврига* (севрюга), *убойство*, *молонья*, *полонить*, *сором*, *соромно* и др.;

- лексико-морфологические (грамматические) архаизмы:

оборонить (сов. в. к *оборонять*), *каменья*, *холопи* (мн. ч.), *из-за облак*, *на конь*, *прежние вины*, *ваши тесноты*, *в домаы*, *с товарищи* и др.

В целом устаревшие слова и выражения в романе не перегружают текст, так как даже в наиболее насыщенных ими главах не превышают 5% общего лексико-фразеологического состава.

Историческая лексика в романе «Князь Серебряный» используется А.К. Толстым преимущественно в авторской речи – в эпизодах, связанных с описанием царского окружения и событий, происходящих при дворе Ивана Грозного (см., например, гл. 8 «Пир», начало гл. 35 «Казнь», гл. 40 «Посольство Ермака» и др.).

В романе есть фрагменты, оправданно инкрустированные историзмами в большей степени, чем они употребляются в среднем процентном соотношении с актуальными (неустаревшими) словами. Весьма показательным в этом отношении описание поединка боярина Морозова с князем Вяземским:

Внутри оцепленного места расхаживали *поручники* и *стряпчие* обеих сторон. Тут же стояли *боярин* и *окольныйчий*, приставленные к полю, и два *дьяка*, которым вместе с ними надлежало наблюдать за порядком боя. <...> На Морозове был дощатый доспех, то есть старинные *бахтерцы* из наборных блях, наведенных через ряд серебром. *Наруги*, рукавицы и *поножи* блестели серебряными разводами. Голову покрывал высокий *шишак* с серебром и *черню*... У бедра его висел на узорном поясе, застегнутом крюком, широкий прямой тесак... К правой стороне седла привешен был, концом вниз, золоченый *шестопёр*...

Вооружение Вяземского было гораздо легче. Еще страдая от недавних ран, он не захотел надеть ни *зерцала*, ни *бахтерцов*, хотя они и считались самой надежной *броней*, но предпочел им легкую *кольчугу**

Здесь для создания исторического колорита, художественной детализации текста писатель широко использует такие историзмы, как *боярин*, *окольныйчий*, *поручники*, *стряпчие*, *дьяк*, *бахтерцы*, *зерцала*, *шишак*, *кольчуга* и др. Даже слова *поле*, *копье*, *бой*, *броня*, *боец* употребляются со своеобразным семантическим наполнением, характерным для эпохи. Правда, некоторые детали (соответственно и наименования их) в хронологическом отношении не совсем и не везде точны. Так, по свидетельству П.М. Строева, кресла у московских царей появились лишь при Алексее Михайловиче, а до этого времени были стулья, которые «по назначению государя ставили вперед или носили за ним» [Строев 1844].

Не менее важны для изображения эпохи и внешние детали, создающие зримые образы старого уклада жизни – например, детали одежды богатой и знатной замужней русской женщины:

* Цит. по: Толстой А.К. ПСС: В 4 т. – М., 1980. – Т. 2.

Елена с сенными девушками сидела под липами на дерновой скамье, у самого частокола. На ней был голубой *аксаметный летник* с *яхонтовыми* пуговицами. Широкие кисейные рукава, собранные в мелкие складки, перехватывались повыше локтя алмазными *запаясьями*, или зарукавниками. Такие же серьги висели по самые плечи; голову покрывал *кокошник* с жемчужными наклонками, а *сафьянные* сапожки блестели золотом нашивкой.

Мы видим, что здесь, как и в некоторых других случаях, автор, облегчая читателю восприятие, дает необходимые, с его точки зрения, точные толкования значения употребляемого историзма непосредственно в тексте: *запаясьями*, или *зарукавниками*. Ср. с другими авторскими пояснениями:

Другие (опричники. – О.В.) сидели на скамьях и играли в шахматы или *в зернь*. Так называли тогда игру в кости; Голову его (атамана Ванюхи Перстня. – О.В.) покрывала *мисюрка*, или железная круглая шапка, вроде тафьи, называвшаяся также и *наплевником*. К шапке приделана была *бармица*, или стальная кольчатая сеть, защищавшая от сабельных ударов затылок, шею и уши. Широкоплечий детина держал в руке *чекан* – молот, заостренный с задней стороны и насаженный на топорнице.

Архаическая лексика используется А.К. Толстым преимущественно при создании речевых портретов героев романа. В то же время в бытовых сценах (например, встреча князя Серебряного с Еленой Дмитриевной (гл. 6 «Встреча»), разговор Малюты с сыном (гл. 10 «Отец и сын»), встреча князя Серебряного с разбойниками (гл. 2 «Новые товарищи»), разговор Малюты Скуратова с царем (гл. 12 «Клевета») и др.) количество устаревших слов сведено к минимуму.

Для речевой характеристики царя и других представителей высокообразованной знати Толстой использует в большей степени книжную архаическую лексику и фразеологию. Часто старославянизмы придают речи исторических лиц оттенок торжественности, возвышенности. Например, Иоанн за многолюдным пиршественным столом, войдя в роль сурового, но милостивого государя, обра-

щается к Серебряному с лицемерной речью, насыщенной устаревшими словами и грамматическими формами:

Не для того поставил я на Руси опричнину, чтобы слуги мои побивали людей *безвинных*. Поставлены они, *аки* добрые псы, *боронить* от *пыхающих* волков *овцы* моя, дабы мог сказать я на Страшном суде Божию по пророческому *словеси*: *се аз* и дети, *яже* дал *ми* Бог.

Такая рациональная и эпохально вполне правдоподобная стилистическая дифференциация делает речь исторических персонажей разнообразной, динамичной и выразительной.

В речи простолюдинов (колдуна-мельника, мамки Онуфриевны, сенных девушек, разбойников и др.) А.К. Толстой чаще использует разговорно-просторечную и народнопоэтическую лексику. Процент устаревших слов здесь минимален.

В речи автора (повествователя) архаичные слова и выражения закономерно встречаются еще реже – преимущественно в тех случаях, когда она приближается по своим экспрессивным качествам к несобственно-прямой:

Хитростям дьявола царь *противу*ставил молитву... <...> *Неправость* дел его являлась во всей наготы, и страшно сияли перед ним адские бездны. <...> В гневе на самого себя и на духа тьмы, он опять, назло аду и наперекор совести, начинал *дело* *великой* крови и *великого* поту...

Но в той же несобственно-прямой речи, как и в собственно прямой или косвенной речи персонажей, у Толстого правомерно доминирует актуальная (в том числе разговорно-просторечная и народнопоэтическая) лексика и фразеология, ср.:

Поцеловала Елена Дмитриевна молодого боярина! Обманула жена лукавая мужа старого! Забыла клятву, что дала перед Господом! Как покажется она теперь Дружине Андреичу? Догадается он обо всем по глазам ее. И не таков он муж, чтоб простил ее! Не дорога жизнь боярину, дорога ему честь его! Убьет он, старый, убьет и жену, и Никиту Романыча.

Таким образом, в середине XIX в., в период господства натуралистических тен-

денций в историческом жанре, А.К. Толстой, будучи противником чрезмерной архаизации языка, развивал пушкинские реалистические принципы воссоздания наиболее характерных для изображаемой социальной среды и изображаемой личности речевых особенностей прошлого.

В романе А.К. Толстого «Князь Серебряный» представлены довольно широко и историзмы, и архаизмы, но они составляют сравнительно небольшой процент от общего словарного состава текста, в котором правомерно доминирует актуальная (разговорная, просторечная, народнопоэтическая) лексика. Толстому удается избежать анахронизации и модернизации языка романа прежде всего благодаря тщательному отбору как устаревших, так и актуальных языковых средств из документальных источников.

В составе историзмов в романе Толстого выделяются три основные группы, которые, по мнению писателя, наиболее значимы для создания речевого колорита эпохи Ивана Грозного: чины, должности и звания; оружие и воинские доспехи; одежда и головные уборы. Архаическая лексика представлена в романе всеми традиционно выделяемыми типами. Историзмы употребляются преимущественно в речи повествователя, в то время как архаизмы чаще используются в диалогической и монологической речи персонажей.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В.В. Из истории стилей русского исторического романа // Вопросы литературы. – 1958. – № 12. – С. 115–135.

Винокур Г.О. Язык «Бориса Годунова» // Винокур Г.О. О языке художественной литературы: учеб. пособие для филол. спец. вузов. – М., 1991. – С. 194–226.

Нестеров М.Н. Язык русского советского исторического романа. – Киев, 1978.

Строев П.М. Выходы государей, царей и великих князей Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича, Феодора Алексеевича, всея Руси самодержцев. (С 1632 по 1682 г.) – М., 1844.

Толстой А.К. Полное собрание сочинений: В 4 т. – М., 1980.